

УДК 616.641.6

© Пересадин Н.А., Фролов В.М., 2011

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ А.П. ЧЕХОВА И М.А. БУЛГАКОВА

Пересадин Н.А., Фролов В.М.

ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

Богатая событиями история прикладной медицины (как, впрочем, и история мировой литературы) знает великое множество примеров, когда люди, получившие в молодые годы профессиональное медицинское образование, становились впоследствии замечательными литераторами, чьё печатное творческое и даже при их жизни неопубликованное наследие на долгое время затмевало их врачебную славу и многодневный подвиг неустанного служения у постели больного. Викентий Вересаев, Сомерсет Моэм, Франсуа Рабле, Фридрих Шиллер и другие знаменитые писатели-врачи с мировыми именами были выдающимися деятелями на литературном поприще, однако их след, оставленный в практической медицине, был чаще всего неизмеримо меньше. Что касается героев нашего повествования, то они (особенно А.П. Чехов) и в медицине преуспели и в искусстве (а не только в литературе) оставили неизгладимый след, ставший предметом пристального изучения исследователей многих стран [1, 4, 6, 8, 10].

Имя Михаила Афанасьевича Булгакова приобрело широкую известность среди читающей публики сравнительно недавно – только в середине 60-х годов XX века, когда после долгого забвения спустя 20 с лишним лет после смерти писателя в «толстом» журнале «Москва» был напечатан его роман «Мастер и Маргарита» (в сокращённом и подвергнутом произвольной редакции виде). Сегодня в XXI веке булгаковские пьесы, романы, повести и рассказы необычайно востребованы. Есть балетные произведения, огромное число киноэкранизаций; авторам статьи удалось увидеть в Москве спектакль в театре им. А.С. Пушкина «Луна в форточке» по ранним рассказам Булгакова, а в конце октября 2010 г. на сцене национальной филармонии Украины в Киеве впервые прозвучала написанная ещё в 1972 году опера Валентина Бибика «Бег» по знаменитой пьесе Михаила Булгакова. Первая редакция этой оперы была показана композитором в Ленинградском Малом оперном театре и безоговорочно принята к постановке. И также безоговорочно нашлись вскоре причины для отказа. В 1984 году была написана вторая редакция оперы. Однако видя тщетность попыток постановки, Валентин Бибик смирился с тем, что написал сочинение «в стол», как это было и со многими произведениями самого Булгакова. «Бег», любимую пьесу Михаила Афанасьевича, при его жизни на сцену не пустили. Только в 1956 году она была поставлена в театре, а затем спустя ещё 15 лет появилась знаменитая киноверсия режиссёров Алова и Наумова. Персонажи фильма благодаря блистательным актёрским работам Владислава Дворжецкого, Михаила Ульянова, Евгения Евстигнеева, Алексея Баталова, Людмилы Савельевой стали нарицатель-

ными фигурами белой эмиграции. Постановщики оперы, как и сам Булгаков, рассматривали (как, впрочем, и режиссёры кинокартины) пьесу не как банальный бег из Крыма в Константинополь и дальше в Париж, а затем обратно в Россию, а как бег от себя, в котором, как известно, никуда не убежишь. Умеющим читать между строк многое объясняет эпитафия к «Бегу», который Булгаков взял в одном из стихотворений В.А. Жуковского: «Бессмертье – тихий, светлый брег; наш путь – к нему стремленье. Покойся, кто свой кончил бег!» Весной 2011 г. российское телевидение начинает показ долгожданного фильма «Мастер и Маргарита» режиссёра Юрия Кары. Фильм пролежал на полке 20 лет. Удивительная судьба фильма и книги!

Обратим более пристальное внимание на главное произведение М.А. Булгакова – его талантливейшее полотнище – «Мастер и Маргарита». Одна из завершающих глав (32-я) этого необычайно популярного и сегодня романа носит название «Прощение и вечный приют». Начинается глава со щемлящих, полных глубокого проникновенного, врачебного, если хотите, понимания строк, посвященных всем страждущим.

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами: кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над землёй, неся этот непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его» [2].

В бессмертном романе писателя и врача Михаила Булгакова (множество раз переизданом и презентированном в виде кинокартин, спектаклей, телевизионных сериалов во многих странах) представлена, как хорошо известно тысячам его читателей, весьма пёстрая и, в равной мере, блистательная гамма, широчайший диапазон и спектр самых разных тем, разнообразных, зачастую контрастных, настроений и психо-эмоциональных состояний, когда юмор смешивается или плавно переходит в сатиру, где проникновенная любовная лирика сменяется фантазмагорией, а захватывающий экскурс в евангельскую историю естественно перетекает в документально-точные детали неустрашенного московского быта во времена НЭПа [3]. Перечитывая не только «Мастера и Маргариту», но и «Театральный роман», в Булгакове – художнике можно легко обнаружить дар загадочный, мистический и даже пророческий – пророческий. Однако в обычной жизни это был светлый и остроумный человек, с неуёмной фантазией и радостным восприятием бытия, доктор, пользовавшийся необычной любовью и вниманием пациентов.

Родился Михаил Афанасьевич 15 мая 1891 года в Киеве в интеллигентной семье профессора Киевской духовной семинарии, а впоследствии академии Афанасия Ивановича Булгакова и преподавательницы женской гимназии Варвары Михайловны, носившей в девичестве фамилию Покровская.

Отец будущего писателя был человеком разностороннейших интересов и увлечений, например, круг его вседневного чтения выходил далеко за рамки курса истории религии, которую он преподавал в духовном учебном заведении. Замечательное знание иностранных языков определило и потенциал домашнего воспитания старшего сына Михаила (кроме него в семье было ещё два брата и четыре сестры). Миша с детства считал французский язык таким же для себя близким, понятным и естественным, как и русский. В те времена профессиональная карьера преподавателей духовных высших учебных заведений (семинарии, академии) считалась, как сказали бы сегодня, весьма престижной, однако для своих чад глава семьи вовсе не хотел подобного жизненного пути и стремился дать детям широкое светское образование [10].

В 1901г. Миша Булгаков поступил в Первую Александровскую гимназию (г. Киев), названную так в честь царя Александра I, некогда пожаловавшего ей особый статут. В этом учебном заведении будущий писатель и врач проучился восемь лет (Кстати, в те же годы в ней учился и писатель Константин Паустовский, оставивший свои замечательные воспоминания о Михаиле Афанасьевиче). Будучи весьма успешным гимназистом, юный Булгаков подавал, как тогда говорили, огромные надежды – писал отменные стихи, прекрасно рисовал, хорошо играл на рояле, сочинял озорные устные рассказы и с успехом сам их исполнял перед публикой (чаще всего перед одноклассниками). После окончания гимназии Михаил стал студентом медицинского факультета Императорского университета Святого Владимира в Киеве, где проучился 7 лет. Выбор Булгаковым медицинского факультета был во многом обусловлен крепкими семейными традициями. У матери писателя, которую он нежно любил и её образ с глубоким трепетом вывел на первых же страницах романа «Белая гвардия», в семье было шесть братьев и две сестры. И из шести братьев матери трое стали врачами [4, 5]. В семье отца писателя Афанасия Ивановича Булгакова один из его братьев также был врачом. После смерти Афанасия Ивановича мать во второй раз вышла замуж и её новый муж был тоже врачом. Племянница писателя М.А. Булгакова доктор филологических наук Е.А. Земская в сборнике материалов «Воспоминания о Михаиле Булгакове» писала: «... Я опровергаю здесь мнение, что Михаил Афанасьевич случайно выбрал эту профессию. Совсем не случайно. Это было как-то в воздухе нашей семьи – и Михаил выбрал свою профессию, свою медицину обдуманно и сознательно. И он любил свою медицину...» [4]

О материнском роде (роде Покровских) писатель Булгаков всегда вспоминал с искренними тёплыми чувствами. Особое влияние на личностное и профессиональное становление юного медика оказал родной брат матери Николай Михайлович По-

кровский, бывший одним из ближайших помощников крупнейшего акушера-гинеколога того времени профессора В.Ф. Снегирёва. Основанный Снегирёвым Гинекологический институт на Девичьем поле в белокаменной, являлся образцовым учреждением этого типа. Здесь имелись одна из лучших в Москве операционных с передовыми технологическими приспособлениями и устройствами, замечательные просторные палаты с предметами ухода за пациентками, специальной мебелью и просторными широкими лоджиями, которые тогда были впервые в России применены в больничном строительстве. Специалисты-филологи высказывают вполне обоснованное мнение, что при описании в романе «Мастер и Маргарита» весьма уютной и современной психиатрической клиники, в которой Иван Бездомный знакомится с Мастером, писатель М.А. Булгаков явственно себе представлял и это гармоничное снегирёвское здание, с устройством которого он, как предполагается, был не только знаком [4, 7]. Вот почему всё это нашло детальное и яркое отражение на страницах его знаменитого романа.

Из научной школы профессора В.Ф. Снегирёва, гуманные традиции которой высоко ценил другой герой нашей статьи писатель-врач А.П. Чехов, вышел классический труд о маточных кровотечениях, ознаменовавший важный этап в тогдашней акушерской науке и практике. Проработавший в снегирёвской клинике около сорока лет, родственник писателя Булгакова Н.М. Покровский пользовался, как и его родной брат доктор Михаил Михайлович Покровский, уважением и авторитетом в московской врачебной среде. Очень близким человеком для Михаила Булгакова стал его отчим – доктор Иван Павлович Воскресенский, бывший ближайшим учеником знаменитого академика Феофила Гавриловича Яновского.

Хорошо известно, что врачом был и Николай Афанасьевич Булгаков (1898-1966) – любимый, младший брат писателя, который впоследствии стал видным микробиологом, создателем бактериологической службы в далёкой Мексике. Весной 1916 года Михаил Булгаков окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием и став госпитальным врачом-хирургом. Вслед за тем он был призван на военную службу. Но к осени того же года его в качестве земского врача откомандировали в Смоленскую губернию, село Никольское. О том, как складывалась его первоначальная врачебная практика, лучше всего рассказано самим Михаилом Афанасьевичем в цикле рассказов «Записки юного врача». Этот цикл печатался в 1925-1927 годах в журнале «Медицинский работник», то есть в издании сугубо специализированном. Вполне понятно, что основное их содержание – эпизоды каждодневной врачебной деятельности автора. При всём при этом «Записки» чрезвычайно эмоциональны и полны доброго юмора. Уже чувствуется стиль большого таланта. Но вернёмся к началу творческого старта писателя.

В автобиографии, написанной Булгаковым в 1925 году для справочника «Писатели», можно прочесть: «Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-

то ночью в 1919 году, глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде, при свете свечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнёс рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 20-го года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далёкой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. ... В конце 21-го года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда» [3].

Если к самому знаменитому роману Булгакова «Мастер и Маргарита» подходить традиционно, оперируя такими привычными инструментами анализа, как тема, идея, жанр, вполне возможно, что быстро запутаешься и заблудишься. Ни в какие обычные традиционные литературные схемы произведение никак не хочет укладываться.

Тема психиатрии, своеобразный «вихрь» тем психических состояний, психического здоровья и нездоровья проходит по роману как некая несбыточная мечта об уголке, где оскорблённому, а вернее даже, потрясённому есть чувству уголок. Именно такой уголок нашёлся в клинике профессора Стравинского, куда с диагнозом «шизофрения» попадали многие герои «Мастера и Маргариты». Как известно, после встречи с Воландом, не выдержав груза невероятных потрясений и приключений, участниками которых они становились, в клинику попали и поэт Иван Бездомный, и председатель жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице Никанор Иванович Босой, и конферансье театра Варьете Бенгальский, и фининспектор того же театра Римский, и даже целый коллектив городского зрелищного филиала, безостановочно и непроизвольно хором распевавший песню про «славное море, священный Байкал».

Из всех героев, лечившихся в клинике профессора Стравинского, наиболее полно и детально описаны судьбы и характеры Мастера и поэта Ивана Бездомного (он же Иван Николаевич Понырёв). Этим двум очень разным и непохожим друг на друга людям волями судеб довелось встретиться и подружиться в клинике Стравинского. Если Мастер предстаёт на страницах романа энциклопедически образованной творческой личностью, знавшей пять языков, включая греческий и латинский, то Иван Бездомный, по его собственному признанию, был человеком глубоко невежественным, что, однако, не мешало ему (как и автору незабвенной «Гаврииады» И.Ильфа и Е.Петрова) братья за любые темы, включая антирелигиозную поэму о Христе. Иван Бездомный был человеком с так называемой активно выраженной жизненной позицией, из той породы, девизом которой было «нам думать некогда, мы очень спешим». Такие люди приносят много беспокойства и немало вреда социуму, зачастую представляя из себя «кипучих лентяев» (термин тех же И. Ильфа и Е. Петрова). Такие лица по своей природе отнюдь не злы и не агрессивны, но, поскольку не привыкли думать, а уж тем более прогнозировать последствия своей чрезмерной активности, часто представляют своеобразную угрозу для окружающих.

Психозомоциональный шок, настоящее душевное потрясение, которые переживает на Патриар-

ских прудах Иван Бездомный, когда на его глазах произошло предсказанное Воландом отрезание трамваем головы председателю одной из крупнейших московских литературных ассоциаций Михаилу Александровичу Берлиозу, — были истинным стрессом и испытанием на прочность психики поэта. Неудавшаяся погоня за весьма подозрительной компанией, сопровождавшей загадочного иностранца, вконец расстроила ещё совсем недавно абсолютно здоровую душевную организацию Ивана. И он в кальсонах и с бумажной иконкой (это вчерашний-то атеист!), прикрепленной к рваной толстовке, очутился в клинике Стравинского, где ему и был поставлен диагноз «двигательное и речевое возбуждение, бредовые интерпретации... шизофрения, надо полагать». (Ещё одно из сбывшихся предсказаний Воланда). Психиатрическая клиника Стравинского с первых же часов пребывания в ней по-хорошему вдохновила и даже потрясла Ивана, несмотря на его крайнее психоэмоциональное возбуждение чистотой и сияющей белизной её помещений, мягкой пружинистой кроватью, безшумно раздвигающейся стеной, за которой располагалась белоснежная ванна с унитазом, видом превосходного соснового бора из окна, предупредительностью и обходительностью медицинского персонала. И уж совсем покорила его душу профессор Стравинский, который самым внимательным образом выслушал горячий эмоциональный рассказ Ивана и несколькими наводящими вопросами продемонстрировал неуместность и абсурдность его поведения, когда Ивану и самому стала совершенно ясна несуразность его действий и поступков. Бездомный, может быть, впервые в жизни серьёзно задумался и, прежде чем действовать, попытался впредь всегда заниматься мыслительной работой, т.е. размышлять и думать. Знакомство и тесное общение с Мастером привели его ещё к большей рефлексии и самокритичности. Потрясённому своими личностными открытиями пришлось признаться и себе, и Мастеру, что человек он действительно глубоко невежественный, что стихи у него никудашные и даже дать честное слово, что он их никогда больше не будет писать.

Таким образом, как это ни странно, именно в психиатрической клинике произошел у Ивана Бездомного коренной пересмотр жизненных воззрений и нравственных позиций, ещё недавно представлявшихся совершенно нормальными, а вместе с тем, как оказалось, довольно бессмысленными и бестолковыми. Необходимо было время, место и своеобразный душевный кризис — толчок, чтобы увидеть себя в новом свете и остановиться, образумиться. И именно таким местом самопознания оказалась созданная воображением Булгакова клиника профессора Стравинского.

Иван Бездомный поступил в неё глубоко невежественным, косноязычным, хулиганствующим «стихоплёт», а выписался помудревшим, испытывающим подлинную жажду знаний Иваном Николаевичем, из которого впоследствии вышел получился уважаемый всеми университетский профессор истории. Страдания, которые выпали ему из-за встречи с Воландом, — это страдания очищения, или то, что древние греки называли катарсисом. В клинике Стравинского и после неё Иван

Бездомный постепенно освобождается от присущего ему невежества и нелюбопытства. В нём появляется здоровый человеческий интерес к необыкновенному и неутолимая жадность к знаниям, не ограниченной никакой догматикой. Он становится внимательным учеником Мастера и получает в награду от автора романа вполне счастливую судьбу. (Некая литературная параллель с Эдмондом Дантесом и аббатом Фариа – героями знаменитого романа «Граф Монте Кристо» – Александра Дюма – отца).

В конце же булгаковского романа многие годы спустя после пребывания в клинике Стравинского седовласый почтенный профессор Иван Николаевич Понырёв, оказавшийся в своё время весьма восприимчивым учеником Мастера, окончательно избавляется от стереотипов мышления своей молодости. И по крайней мере раз в году, когда наступает майское полнолуние, в нём оживает всё то, что разбудил Мастер, душа его открывается навстречу вечному – загадочному, непознанному, без чего жизнь человеческая бывает пустой, бесцветной и бессмысленной суетой сует. Ивану Николаевичу трудно даются такие пробуждения и «оживления». Профессор возвращается к себе домой с Патриарших прудов, с той скамеечки, где когда-то молодой поэт разговаривал с Воландом, совсем больной. Но у него есть своя Маргарита, умеющая купировать его мучительное беспокойство и беречь его сон. А во сне Иван Николаевич встречается с главными героями романа Мастера, мирно беседующими на лунной дорожке, и с самим Мастером, и с Маргаритой, и погружается в такой истинно поэтический мир, какого и знать не знал, когда писал свои нелепые богоборческие стихи и поэмы.

«Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом» [2].

Ивану, в котором так или иначе продолжается то, осталось от Мастера на земле, отданы заключительные строки эпилога бессмертного романа. А основные события повествования венчает вечное уединение Мастера и Маргариты, покидающих Москву вместе и навсегда.

Если вернуться к начальным главам «Мастера и Маргариты», то вспомним, что сам Мастер попал в клинику Стравинского в результате тяжелейшего психоэмоционального стресса, пережитого им после многочисленных и яростных критических статей, после ожесточённой травли, которой он был подвергнут из-за своего литературного произведения о Понтии Пилате. Поток озлоблённых статей не прекращался. Вначале Мастер смеялся, второй была стадия удивления и затем наступила фаза страха, причём страха перед вещами, совершенно не относящимися к роману о Понтии Пилате. Например, страха темноты или страха перед каким-то спрутом с длинными щупальцами, который влезает в окно. Болезнь резко обострилась, и мастер попал в психиатрическую клинику Стравинского. Он, как и Иван Бездомный, в полной мере оценил покой, комфорт, доброжелательность медицинского и вспомогательного персонала, исследовательский и

аналитический талант профессора – психиатра Стравинского.

В случае с этими двумя детально и ярко описанными персонажами мы видим, что причиной заболевания является стресс, то есть некий мощный психоэмоциональный негативный фактор, вызвавший потрясение молодого поэта и Мастера, с которым не справилась их психика. И главная задача при этом – создать спокойные и комфортные условия, где бы человек мог постепенно прийти в себя и с помощью мягкого медикаментозного и психотерапевтического лечения снять напряжение и восстановить душевное здоровье, а в чём-то, как в случае с Иваном Бездомным, даже изменить свои базисные личностные установки и ценности.

Богатое воображение писателя, а скорее собственная мечта измученного, затравленного, доведённого до нервного истощения человека, каким был в то время сам писатель Михаил Булгаков, нарисовала психиатрическую клинику, как некий светлый, желанный, спокойный уголок, ограждающий и защищающий человека от тех потрясений, которые несёт этот весьма несовершенный яростный мир. Но мечта о такой идеальной психиатрической клинике, видимо, так и осталось мечтой и вряд ли она реализована в действительности и в наше время.

Более реалистично и более мрачными красками изображает картину психиатрического лечения писатель и врач А.П. Чехов в своём знаменитом рассказе «Палата №6».

Стоящий на отшибе унылый больничный флигель с удушливым и гнилостным запахом, в котором содержатся пациенты с расстройствами психики, сторожит грубый, бесчувственный и тупой человек по имени Никита, который по поводу и без повода избивает больных. Кроме Никиты никто из больничного персонала во флигель не заглядывает. «Стены здесь вымазаны грязно-голубоватой краской, потолок закопчён как в курной избе – ясно, что здесь зимой дымят печи и бывает жарко. Окна изнутри обезображены железными решётками. Пол сер и занозист. Вонь стоит кислой капустой, фитильной гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец» [11].

Таким образом, в отличие от булгаковской клиники профессора Стравинского, в чеховской палате №6 содержатся больные на положении зверья, лечение же никакое вообще не проводится, отношение к людям предельно грубое и насильственное. А между тем природа патологии, как это показано на примере главного героя Ивана Дмитриевича Громова, «мужчины лет тридцати трёх, из благородных», страдающего манией преследования, всё та же. Психика Громова не справилась с трудностями и испытаниями жизни: заболевание является результатом хронической стрессогенной ситуации. Проанализируем её.

Отец Ивана Дмитриевича был человек солидный, зажиточный, проживал на главной улице города в собственном доме и имел двух сыновей. Однако на благополучную и ни в чём не нуждающуюся семью богача ни с того ни с сего посыпались несчастья и беды. Вначале от скоротечной чахотки умер старший сын, студент четвёртого курса университета. Чуть позже за подлоги и раст-

раты был осуждён отец, вскоре умерший в тюремной больнице. Дом и вся недвижимость были проданы с молотка и Иван Дмитриевич остался вдвоём с матерью без всяких средств. Полугодная беспробудная жизнь, бередящая душу нескончаемая тревога о будущем, поиски заработка для пропитания, фанатичное чтение бестселлеров подорвали и без того некрепкое здоровье нашего героя. И как результат – мания преследования и всевозможные фобии. Так он оказался в палате №6. И вот этот-то пациент неожиданно становится постоянным и желанным собеседником доктора Андрея Ефимовича Рагина, который два десятка лет прослужил в местной больнице, разуверился в возможности изменить что-либо, а в связи с этим и разочившийся полноценно работать, основным занятием и развлечением которого, так же как и для Ивана Дмитриевича, стало запойное чтение книг. Доктор откровенно скучал в этом захолустном уездном городишке, нуждаясь в умном собеседнике, и не находил его, пока однажды случайно не разговорился с больным из палаты №6. Из беседы выяснилось, что у них много общего, оба очень любили читать, оба обостренно воспринимали агрессивную несправедливость и далёкую от совершенства окружающую действительность в своих личностных «скорлупках».

Однако, вероятно, отсутствие реальных действий при ясном понимании несовершенства окружающего мира так же наказуемо, как и активное действие при полном безумии. И доктор, будучи в здравом рассудке, только за то, что проявил пристрастие беседовать с пациентом, сам попадает в качестве больного в палату №6. Весьма выразительно и образно описывает Чехов упекшего доктора Рагина в палату №6 врача Евгения Федоровича Хоботова, «хама, лицемера и карьериста», невежественного, бездушного и очень корыстного человека, подозревающего окружающих во всех смертных грехах, не прощающего и не понимающего любой непохожести. В случае с доктором Андреем Ефимовичем Рагиным, оказавшимся в роли пациента злосчастной палаты, мы видим ещё одну причину, разрешающую «хоботовым» ставить любой психиатрический диагноз. Это то, что, по словам поэта, обозначается как «и лишь посредственность одна, понятна нам и не странна» и то, что в своё время позволяло в незапамятную пору «застоя» психиатрам выставлять диагноз «шизофрения» всем инакомыслящим...

Если обратиться к самому началу литературной деятельности А.П. Чехова, то нетрудно заметить, что Антон Павлович много внимания уделял «душевному болезням, которые могут проходить и могут излечиваться» / выражение проф. С.С. Корсакова – главы московской школы психиатров, XIX в.) [12].

В 1888 году Чехов дал согласие своему другу издателю А.С. Суворину отредактировать медицинский отдел «Русского календаря». В письме к Александру Сергеевичу Чехов подчеркивал: «Корректуру московской эскулапии для вашего календаря я возьму с удовольствием... Воспользуюсь случаем и вставлю «Дома умалишенных в России» – вопрос молодой и для врачей и земцев интересный» [9].

Психиатрия, судя по всему, чрезвычайно

увлекала Чехова, в силу того, что из всех отраслей медицинского знания и клинических специальностей она наиболее приближала доктора к злободневным проблемам психологии и философии. Чехов многократно подчеркивал свой собственный пристальный интерес ко всему, касавшемуся душевной деятельности человеческой личности. В беседе с писателем И.И. Ясинским Антон Павлович заметил, что его крайне интересуют всякие уклоны так называемой души. «Если бы я не сделался писателем, - страстно заметил он, - то, вероятно, из меня вышел бы психиатр» [1].

Чехов тщательно изучал труды знаменитого корифея психиатрии профессора С.С. Корсакова, был лично с ним знаком, тесно общался с одним из лучших учеников этого видного психиатра – с В.И. Яковенко (именем В.И. Яковенко названа Московская областная психиатрическая больница). На протяжении всей творческой жизнедеятельности великий писатель встречался и переписывался с известнейшими в ту пору специалистами в области психоневрологии – с Н.Н. Баженовым, В.В. Ольдерогге, Н.Н. Реформатским. Всё это оставило яркий след в творческих исканиях Антона Павловича. [6, 7].

В 90-е годы XIX века, когда Чеховым было уже написано и опубликовано большинство произведений, в которых затрагивалась психическая сфера его героев, много писали и говорили о проблеме вырождения человечества, о близости гениальности к сумасшествию; общество увлекалось идеями Ницше, Нордау и иных апологетов пессимистического взгляда на будущее.

Так, например, немецкий публицист М. Нордау утверждал, что увлечение интеллигенции литературным течением психопатологического характера (книгами, в которых воспевались всевозможные душевные отклонения, извращения, разврат, безрассудства, «слепые страсти» и т.д.) обусловлено могучей «доминантой века» - вырождением.

В беседе с таганрогским журналистом А.Б. Тархановским Чехов сказал: «Никакого вырождения нет. Это всё Макс Нордау выдумал. Неврастения же скоро исчезнет. Мы все страдаем этой болезнью. Она явилась от того, что мы попали в неприглядную обстановку. Наши отцы землю пахали и кузнецами были, а мы в первом классе ездим и в 5-рублевых номерах останавливаемся». Одной из своих корреспонденток Чехов написал так: «Нашего нервного века» я не признаю, так как во все века человечество было нервно». [11].

Побывав на Сахалине, Антон Павлович ещё более убедился и утвердился во мнении, что «сила человеческого духа может победить в нем недостатки, даже полученные в наследственность» [11].

Герои многих произведений великого реалиста Чехова (легко вспомнить кроме «Палаты №6», рассказ «Черный монах», рассказ «Припадок», повесть «Дуэль» и др.) вызывают у читателей чувства и жалости, и сострадания, и гнева, поскольку гениальный писатель как никто другой умел пробуждать эти эмоциональные ощущения своей строго объективной, ясной и точной манерой письма, потому что очень хорошо понимал поведение человека, знал его различные психо-эмоциональные состояния, вникал в истинные причины, детерминирующие те или иные психические страдания людей.

В интереснейшей монографии Ю.Г. Виленского «Доктор Булгаков», посвященной влиянию медицины на творчество писателя и врача Михаила Афанасьевича Булгакова, в одной из наиболее солидных и представительных глав соотносятся судьбы и творчество трех известнейших писателей, имевших медицинское образование,- В.В. Вересаева, А.П. Чехова и М.А. Булгакова.

Михаил Афанасьевич очень любил Чехова, но не фанатичной любовью, а какой-то ласковой, как любят умного, старшего брата. Он особенно восторгался записными книжками Антона Павловича. Письма его знал наизусть. Однажды Михаил Афанасьевич спросил Л.Е. Белозерскую, какое из литературных произведений ей нравится больше всего. И услышав, что, по её мнению, это «Тамань» М.Ю. Лермонтова, заметил: «Вот и Антон Павлович так считает.» И тут же назвал письмо Чехова, где это сказано.

Родство душ сближало М.А. Булгакова, и с В.В. Вересаевым, который сам лично был знаком с А.П. Чеховым и который на первых порах литературной деятельности Булгакова помогал ему даже материально, делая это в деликатной и трогательной форме. Вересаев писал Михаилу Афанасьевичу: «Поймите, я это делаю вовсе не лично для Вас, а желая сберечь хоть немного крупную художественную силу, который Вы являетесь носителем» [4].

Глубокая духовная преемственная связь между тремя писателями-врачами, исповедующими единую философию медицинского рационализма, гуманизма и милосердия сегодня в XXI столетии как никогда актуальна для вступающих на путь профессионального служения людям начинающих медиков.

Произведения писателей-врачей дают нам великие уроки тонкого психологизма и гуманной врачебной деонтологии, их книги учат чуткому и внимательному отношению к пациентам, направляют врачебное мышление детально исследовать ведущие механизмы психологического и стрессогенного характера, а исходя из этого разрабатывать и полноценные программы эффективной терапии, предполагающие помимо всего прочего гуманные формы содержания пациентов и деонтологичного отношения к «боль терпящим».

Выводы:

1. История как клинической медицины, так и литературы убеждает в том, что художественное творчество знаменитых писателей-медиков, базировавшееся на обширном практическом материале, весьма часто имело острую социально-гуманитарную направленность и глубокий психологизм, актуальный и в настоящее время.

2. Соотнося психологические и деонтологические аспекты самых знаменитых произведений М.А. Булгакова и А.П. Чехова, в которых яркие медико-психологические характеристики, можно отметить общность гносеологического подхода этих писателей-врачей к психической жизни их героев и истокам формирования их душевных недугов.

3. Достоверное описание и замечательная художественность образов М.А. Булгакова и А.П. Чехова помогают и начинающим медикам и докторам с солидным практическим стажем легче выстраивать познавательную деятельность диагностического, лечебного и реабилитационного плана у постели больных, заряжая лечащих оптимизмом и непоколебимой верой в торжество гуманности и профессионализма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердников Г.П. Чехов / Г.П. Бердников: М.: Мол. гвардия, 1978.- 512 с. – (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 17 (549)).
2. Булгаков М.А. Избр. произв.: В 2т. Т.2 / Сост. и коммент. Л.М. Яновской. – Киев: Дніпро, 1989. - 750 с.
3. Булгаков М.А. Пьесы. Романы/ Сост., вступ. ст. и примеч. В.М. Акимова. – М.: Правда, 1991. – 768с.
4. Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков / Ю.Г. Виленский. – Киев: Здоровья, 1991. - 256 с.
5. Лакшин В.Я. Булгаковиана / В.Я. Лакшин. – М.: АСТ, 2008. – 128 с.
6. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова / Е.Б. Меве. – Киев: Здоровья, 1989. - 280 с.
7. Моруа А. Литературные портреты / А. Моруа. – М.: Правда, 1971.- 454 с.
8. Открой книгу и узнай судьбу по книге М. Булгакова «Мастер и Маргарита»/ Авт.- сост. Г.И. Ревяко. - Мн.: Современный литератор, 2005. – 672 с.
9. Паперный З.С. Записные книжки Чехова / З.С. Паперный. – М.: Сов. писатель, 1976. – 392 с.
10. 500 знаменитых людей планеты. – Харьков: Фолио, 2006. – 991с.
11. Смирнов В.Ф. Чехов и медицина / В кн. Десять лет.: М.: Рос. Об-во медиков-литераторов. – 2002. – С. 151-159.
12. Чехов А.П. Среди милых москвичей / А.П. Чехов. – М.: Правда, 1988. – 620 с.

Пересадін Н.А., Фролов В.М. Медико-психологічні та деонтологічні паралелі творчого насліддя писателів-врачів А.П. Чехова і М.А. Булгакова // Український медичний альманах. – 2011. – Том.14 , № 1. – С. 153-158.

В статті обговорюються медико-психологічні та деонтологічні паралелі творчого насліддя писателів-врачів А.П. Чехова і М.А. Булгакова.

Ключевые слова: писатели-врачи, литературное наследие, психиатрия, деонтология.

Пересадін М.О., Фролов В.М. Медико-психологічні та деонтологічні паралелі творчої спадщини письменника-лікаря А.П. Чехова і М.А. Булгакова // Український медичний альманах. – 2011. – Том. 14, № 1. – С. 153-158.

В статті обговорюються медико-психологічні та деонтологічні паралелі творчої спадщини письменника-лікаря А.П. Чехова і М.А. Булгакова.

Ключові слова: письменники-лікарі, літературна спадщина, психіатрія, деонтологія.

Peresadin N.A., Frolov V.M. Medical-psichic and deontology parallels of creative legacy of writers-doctors of A.P. Chechov and M.A. Bulgakov // Український медичний альманах. – 2011. – Том. 14 , № 1. – С. 153-158.

In the article the medical-psichic come into a question and deontologic parallels of creative legacy of writers-doctors of A.P. Chechov and M.A. Bulgakov.

Key words: writers-doctors, literary heritage, psychiatry, deontology.

Надійшла 12.10.2010 р.
Рецензент: проф. Г.В.Бесполодіна